

ФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Уважаемые читатели! 28 октября, в субботу, в 12 часов мы ждем вас в павильоне № 69 на ВВЦ, где в рамках выставки "Пресса-2001" состоится презентация спецвыпуска "Российской газеты" — "Эхо России для семи федеральных округов".

Среди наших гостей будут полпреды Президента РФ и, надеемся, вы — наши постоянные читатели. Приглашаем мы и коллег из регионов, чьи издания будут представлены на выставке, поскольку "Эхо России" — это и ваша трибуна, на которой регулярно печата-

ются "Рейтинг российской прессы" и "Фестиваль российской прессы". Сегодня мы знакомим вас с газетой "Зеленая лампа", которая издается в Иркутске для работников культуры тиражом в три тысячи экземпляров. Беседа Виктора Астафьева в "Зеленой лампе", несомненно, будет интересна и всероссийскому читателю.

— Виктор Петрович, хотелось бы в начале нашей беседы поговорить о последнем десятилетии уходящего века, в котором и вы, и мое поколение впервые в своей жизни ощутили воздух свободы. С какой жадностью мы накинута на ее плоды в начале десятилетия: Платонов — "Ювенильное море", "Котлован", "Человек из будущего", "Новое назначение"! Твардовский — "По праву памяти"! Ахматова — "Поэма без героя"! "Жизнь и судьба" Гроссмана! Потом повалили наши "американцы" — Набоков, Солженицын, Войнович, Аксенов, Бродский... Тиражи "Нового мира" и "Знамени" превратились в мифические рекорды. И вдруг — полный кризис. Тиражи толстых журналов обвалились и в год-другой достигли рекордов диа-

метражно противоположных, а с ними упал и интерес к литературе. Получается, что долгожданная, и в первую очередь творческой интеллигентной чаемая и подготовленная, гласность сыграла с нами злую шутку?

— Какое общество, какая жизнь — такая и литература. Вот у меня есть знакомый фотограф, который недавно приехал с праздника оленеводов, проходившего на самом краю земли, где-то за Норильском и Дудинкой. Рассказал он мне о том ужасе, что творится с северным нашим народом — волосы дыбом. Это уже ниже всякого человеческого достоинства. Слово "достоинство" уже и не годится применительно к этой жизни. А чуть позже смотрю в местной газете отчет этого же фотогра-

фа о той командировке — залубился. Перед этим, как нарочно, получил сборник "Земля Красноярья" и альбом о моем горемычном Юсовом — красота! Но я-то знаю, как все на самом деле. Человек-соплетик исчезнет из нас не скоро. И привычки его к парадности, хватостству, "докладности" о наших достижениях — они еще долго будут терекаться в нравственное начало из одного поколения.

Понимаешь, дело даже не в том, что упал интерес к литературе. Дело в том, что казавшееся оптимизмом и обнадеживающим зрением перестало быть с самого начала поразительно фальшивым. Ни при каком застое никто не гнал как беззастенчиво и самозабвенно, никогда не было столько агрессивности и злобы, как в журнальных и газетных статьях конца 80 — начала 90-х годов. Сколько было тогда шумихи вокруг бездарных, ныне благополучно забытых романов, сколько было словоблудия, шельмования, брани. И, что обидно, не только записные горлопаны, но и писатели, причем писатели с именами, позволили втиснуть себя в дешевую политическую борьбу, развязанную людьми, от литературы достаточно далекими.

— Вышеуказанную ситуацию в литературе я бы сравнил с известным телефонным разговором Сталина и Пастернака, когда поэт сказал:

— Нам бы надо, Иосиф Виссарионович, встретиться, поговорить.
— О чем?
— О жизни, о смерти.
Сталин, как известно, повесил трубку. Но Пастернака не тронули.

Так и теперь: на том конце провода повесили трубку, и после десятилетия угроз, подкупа, лести, шантажа и заигрываний слышны короткие гудки.

— Сталин ни при чем. Положил трубку — и слава богу. Все зависит от течения жизни. Чем крепче был сталинско-брежневский строй, чем в большем маразме пребывала вся их чиновничья камарилья, тем крепче была в борьбе с ними литература, чему свидетельством наша деревенская проза конца XX века.

Удивляться надо, не переставая, что феномен деревенской прозы, часть поэзии конца века

особенно женской (как только в обществе какое-то замешательство, провал, то наша русская баба начинает подставлять плечо), какая-то часть самиздата возникли в годы страшной реакции, особенно бездуховной в период Брежнева. Мне один знакомый профессор западного университета говорил, что нигде не было такого явления, чтобы целый костяк писателей одного поколения столь яростно выплеснул правду о своем народе. Во всяком случае 20 книг в этом сборище есть очень интересные.

При Сталине где черное, где белое — было видно, знали, с кем и как бороться. Брежневское время бездуховности просто обескуражи-

напечатают, лжи появилось еще больше?

— Думаю, что самое важное, самое интересное и самое сложное, что предстоит пройти отечественной литературе сегодня и в ближайшие времена, — это испытание правдой. Как ни странно, но пробовать путь "по крупицам" было проще. На "три минуты правды" нашей литературы хватало, а вот сегодня, когда вроде бы можно и во все не врать, оказывается, это так трудно. А тут еще горькое предупреждение Чехова: "Никто не знает всей правды..." Просто жизнь невыдуманная, настоящая, всамделишная, пристально увиденная и мастерски воспроизведенная —

она всегда правда, всегда новая, здесь, на мой взгляд, и лежит источник вечного обновления литературы.

Мы, старики, устали, а молодые, большинство из которых не в пример нам образованны, любят сладкую жизнь, легко и ловко приспособились к современной жизни. Душа кипит по мелочам. Это оказалось проще, чем настроиться на осмысление нового времени. Поэтому в сегодняшнем литературном потоке почти нет сопротивления материалу.

Мы как-то не заметили, как вступили в новый "асфальтовый" век. Внешние писатели — ребята сплошь городские. Большинство выросло в "хрущевках" или в коммуналах. Играли в песочнице, загаживали собаками, с девочками хороводились на асфальтовых дорожках. Из этого материала они должны создать новую литературу. Им традиции не помогут, как нам. За нами были Тургенев, Лесков, Бунин. И я думаю, что мы не унизили ни их, ни литературу.

Этим ребятам надо будет о новом времени писать. В асфальте пробивать дырку, как той травинке. Натоптывать свою тропу, а это ой как непросто. Я их не ругаю. Это зачаток того, из чего должна родиться новая литература. Может быть, потом Пелевина анафеме предадут или не вспомнят вовсе, но сейчас он делает свое дело. Прозу того же Пелевина я читать не могу, но на мне свет клином не сошелся. Значит, он соответствует какому-то слою общества, чьим-то вкусам, мировоззрению. Это его выдумка, его фантазия. Порой отдаст шизофренией, но почти каждый второй хороший писатель был шизофреником.

Культура, разбежавшаяся в стороны, получившая некую свободу или, точнее, вольность, порождает самостоятельное, разбродное путанье, часто хилое мышление. Оно не может не влиять на творчество. Вот в чем самая главная трагедия — не хочется писать! Писатель на исходе жизни задает себе вопрос: зачем? Зачем я жил, зачем работал, зачем по двенадцать часов горбился за столом? Люди от этого лучше не стали, мир не улучшился. Зачем эти миллионы книг, картин, писанных нищими художниками, которые шли под пули, на расстрел, на костер — зачем они создавались? Костер эти вопросы подступают к тебе, становится страшно жить.

Но, правда, я всегда говорю: если бы не эти гении, мы бы давно на четвереньках залезли в пещеру. Тем более сейчас, когда все наше массовое искусство говорит о том, что топчемся у входа в эту пещеру, орем по-бараньи, блатнятину всякую несем.

— Не кажется ли вам, что в свое время гипертрофированное восприятие писателя, как "больше, чем писателя", некоего прокурора, знающего ответы на все вопросы и способного вынести последнее окончательное решение, не подлежащее обжалованию, привело к достаточно тяжелым последствиям? Любимый текст авторитетного или популярного писателя, а тем более из классического наследия стал восприниматься не как литературное произведение, а как инструкция с конкретными догмами поведения и морали. Этика и эстетика оказались в одной упряжке. Не по этой ли еще причине некоторые "политруки" от литературы все не успокоятся? Вот и на вас нападают яростно, обвиняют в том, что, мол, неблагодарный, отрешиваетесь от советской власти, которая якобы вырастила, выкормила, чуть ли не вложила в руку писательское перо...

— В основном современная проза продолжает по-прежнему бороться с советской властью, и то, что некоторые писатели все же смогли развести этику и эстетику по разным углам, а со слова снять оковы идеологии, конечно, отрадно.

Другое дело, что любая литера-

тура должна на чем-то стоять. Слабую почву мы оставляем после себя, я имею в виду духовное основание. Сейчас в обществе состояние усталости, апатии, запутанности жизни. Ведь можно было от советской власти устать почти за 80 лет, от преодоления самого себя прежде всего, когда, к примеру, писал деревенскую прозу. Не то, чтобы героем себе казался, но все время преодолевал себя, свой страх. Сплошная душевная боль. Одна боль — творческая, связанная с какими-то давними переживаниями. Другая боль начинается с преодоления себя, цензора в себе. Бывшая наша официальная цензура дала осадок, в душе каждого из нас сидит советский человек, а в этом человеке свой, доморощенный цензор. Не думаю, что у меня советское нутро, но в осадке, на дне где-то было и есть то, что мешает жить, работать, большие силы уходить и уходить на преодоление этого "наследства". Думаю, так до смерти, до конца и не истребить, не вытравить из себя советского раба.

А теперешнюю и советскую эпоху я, конечно же, не разделяю. Как можно время разделить на две части? Время — это поток, который нас несет, в нем происходят какие-то процессы, в течении его случаются неожиданные повороты, углубления, в этом во всем проявляясь и сам человек. Мне кажется, в необходимости именно понять, найти свое место во времени и пространстве заключается трудность современного творца, я, по крайней мере, всегда старался определить хотя бы с темой, с работой, к которой лежит сердце.

Все отбегает время, расставит на свои места, сформирует новое сознание. Кто-то вознесется над временем, сумеет его осознать и, опираясь на старые традиции, откроет себя новая литература. И я предвижу — она будет страшной! Мы ужаснемся этой правде! Все наши произведения покажутся семечками, когда мы в художественном воплощении узнаем всю правду о нашей жизни: о том, как жили, строили, как гробили свою страну и свой народ, как воевали, как побеждали, как творили в литературе.

— Перед расколом в армии советских писателей числилось более 10 тысяч человек. Сегодня, когда официально существует два писательских союза, такое впечатление, что число самих писателей по обоим

берегам не только не уменьшилось, но и возросло в два раза. Не кажется ли вам, что прием в писательскую организацию происходит сегодня слишком легко? И это при том, что писатель сегодня, как никогда, одинок и беспомощен перед лицом рынка и читательским равнодушием.

— Массовый прием в писательскую организацию происходит повсеместно. Это явление иначе как размытием и без того некрепкого берега литературного процесса назвать нельзя. При этом средний возраст сегодняшнего российского писателя остается где-то на рубеже 60 лет. Что такие творцы могут написать? Вспомни, сколько было наших гениев — Пушкин, Лермонтов? Шолохову было 25 лет, когда он раздольно "хулиганил" в своем "Тихом Доне". Чтобы написать такую любовь, как у Григория с Аксиной, — это в висках должно звенеть от молодой энергии, кровь должна кипеть. Его несло, у него было много сил, духу, способности к озорству, смеху, остроте восприятия трагедии. Такое бывает только до тридцати лет.

Старая, усталая душа уже не может так. Тот же роман Гроссмана "Жизнь и судьба" — на нем явно лежит печать душевной усталости. Возьмем нашу лучшую прозу: Носова, Быкова, Воробьева — это же писали старики. Знал бы ты, чего мне сейчас стоит писать... Пишу на сопровителении самому себе.

В Москве в Союзе писателей

Это закономерный процесс. Один остался в том, советском, времени, ему там лучше. Другой не хочет соглашаться с тем временем, с той идеологией. Все наше общество в таком состоянии. Трагизм ситуации в том, что разделились не просто как-нибудь — по разные стороны остались люди, имевшие огромное влияние на формирование нашей российской культуры. Кому-то комфортно на том берегу, кому-то на этом. Другое дело, что между теми и этими кто-нибудь мучается, как Валентин Григорьевич. Я думаю, что много лет на душе у него неспокойно, как и у меня, как и у всякого, не потерявшего совесть. Я не верю, что он сегодня такой уж убежденный коммунист, антирыночник, консерватор. Он остался таким, каким его родила мама, и что там было задано, то и выявилось в судьбе и таланте. Единственное, думаю, что нас сегодня с ним сближает, так это чувство усталости и покинутости. Я не одинок. Есть жена, несколько еще живых фронтовых друзей, есть друзья среди литераторов, актеров... Но чувство покинутости, неприкаянности посещает и меня. И я представляю, как и Валентина Григорьевича, человека замкнутого, молчаливого, это чувство угнетает.

— А вы смогли бы написать сегодня, письмо Валентину Григорьевичу, поделиться с ним душевной болью?

— Не только смогу, но и при встрече готов обнять его. Всякий

Виктор АСТАФЬЕВ: Мы ужаснемся этой правде...

Рос. газета - 2000 - 21 окт. - с. 6

В. Астафьев: "Душа кипит по мелочам"...

России числится около пяти тысяч человек, из них если 500 живут писательским трудом, а значит, востребованы обществом, — уже хорошо. И обижаться не надо. Весь мир так живет. Почему кто-то должен кормиться за счет государства, вечно попрошайничать возле бюджетного кармана, взамен выпустив никому не нужную литературу?

Это мы, старики, выплыли из деревни, стесняемся назвать себя писателями. А кто-то не стесняется, хотя лично я больших восходящих талантов на литературном горизонте пока не наблюдаю. Отметил бы одного норильчанина, рассказы и роман которого недавно прочел. Его зовут Виктор Самуйлов, он бывший летчик, бывалый в жизни человек. Его проза стала для меня настоящим открытием.

С другой стороны, что делать, такая уж закономерность в России — чем каторжней и хуже жизнь, тем больше пишут, особенно стихов. И как и прежде, таланты погибают. Был в Омске хороший поэт Аркадий Кутилин. Кстати, родился и вырос где-то в Иркутской области. За его творческой судьбой долго следил наш замечательный поэтический архивариус Виктор Сербский. Нашли его мертвого в городском сквере, в грязи валяющегося, некому было опознать труп в море. Семья потеряна, судьба запутана, а по уровню Кутилин сравним с Николаем Рубцовым. Остались после него две тоненькие книжечки, множество неопубликованных стихов. Недавно мы в Красноярске в серии "Поэты свинцового века" издали его книжку.

— А что разрушил раскол в писательской среде, а может быть, что привнес, чему-то научил?

— Все почему-то представляют это явление как какую-то ссору. Нет, все произошло закономерно, все соответствует течению времени... Никогда, к примеру, я не сошелся с Валентином Григорьевичем Распутиным, как и он со мной. Я дурного слова о нем никогда не скажу, и он, говорят, не хочет говорить обо мне того же.

раз, когда редко, но вижу Валентина по телевизору, меня слезы прошибают от умиления и любви к нему.

Жизнь не остановилась, жизнь идет, несмотря на все, что с нами происходит. Просто не надо ничего упрощать. Может быть, я больше осознал, чем кто-либо, иногда меня прошибает, но чаще всего молчу. Я перестал уже отвечать на ругательные письма, на плохие книги, плохие рукописи. Отвечаю только на хорошие письма или если кто-то в этом очень нуждается. Спасибо еще всевышнему, что память моя милосердна, в обычной жизни многое тяжелое и страшное стирается. Мне вот война десять лет снилась и перестала. Но в подсознании-то откладывается, его не обманешь, и когда садишься писать — ты ведь с ним выходишь на связь, с этим своим вторым "я", которое и есть бессмертная душа, я думаю. Оно все про тебя знает, все понимает. Ты в жизни от него прячешься, но пишешь-то им, из него.

Ты пойми: человек же есть баланс, и в балансе этом все дело. Он не нарушается, ничего ему не делается! И потом, когда пишу — разве я не больше себя? Разве я не соприкасаюсь с тем, каким я задуман?

Геннадий САПРОНОВ, Красноярск — Иркутск, специально для "Зеленой лампы".